

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ

Глеб ВОЛКОВ,
аспирант Академии
управления
при Президенте
Республики Беларусь

Информационно-пропагандистская деятельность доминирующего субъекта власти, направленная на формирование образа мыслей и действий социального объекта, осуществляется через средства массовой информации. На современном этапе технологического развития цивилизованный мир оказался буквально опутан информационно-коммуникационными сетями, функционирующими поверх географических и политических территорий. Новые реалии коренным образом изменили международный политический ландшафт. Правящие элиты получили возможность прямо апеллировать к общественности не только своих, но и других стран. Иными словами, созданы благоприятные условия для образования транснациональных аудиторий, через которые в режиме онлайн формируется единый для населения всех стран стиль жизни и мышления. На этом фоне малые суверенные государства справедливо испытывают тревогу по поводу сохранения государственных и национально-культурных ценностей.

В 1942 году (то есть до наступления эры глобальных телекоммуникаций) член апелляционного суда США Лернд Хэнд заметил: «Тот, кто управляет радио, кино и прессой, управляет всей страной». Тогда же немецкий филолог Виктор Клемперер писал: «В Советской России в жизнь была воплощена великая идея: с помощью новых технических изобретений, радио и кино, ограниченный пространством метод древних и Руссо распространен на безграничное пространство, вождь реально и персонально обращается теперь «ко всем», даже если счет этим «всем» идет на миллионы, даже если отдельные группы этих «всех» находятся за тысячи километров друг от друга. Тем самым речи как составной части арсенала политического деятеля возвращается та роль, которая отводилась ей в Афинах, мало того, роль эта становится еще более важной, ибо на место Афин встает целая страна, и больше чем страна. Но речь не просто стала теперь важнее, чем прежде, она с неизбежностью изменилась и в своей сущности. Поскольку теперь она адресуется всем, а не только избранным народным представителям, она должна быть и понятной всем, а значит – более доступной народу. Доступная народу речь – речь конкретная; чем больше она взывает к чувствам, а не к разуму, тем доступнее она

народу. Переходя от облегчения работы разума к его сознательному отключению или оглушению, речь преступает границу, за которой доступность превращается в демагогию или совращение народа».

Схожие технологии применялись и в тоталитарной Германии, где «нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [3, с. 5, 29].

Сегодня определенным образом представленные сюжеты или вовсе инсценированные факты легко подменяют реальность. Еще Никколо Макиавелли рекомендовал правителям показывать народу свои программы так, чтобы никто не мог «потрогать их руками», то есть проверить на достоверность. Практическое воплощение рекомендаций стало возможным благодаря появлению электронных СМИ. Через них населению регулярно доводят политические установки, которые нельзя проверить на предмет их объективности. К примеру, американская администрация умышленно отказывает действующим в Ираке национальным силам сопротивления в праве называться повстанцами и говорит о них исключительно как о «тер-

рористах» или «боевиках». Объясняя данную условность, экс-министр обороны США Дональд Рамсфельд заявил, что «после долгих размышлений он пришел к выводу, что называть боевиков повстанцами значит придавать их деятельности некоторую законность, чего они не заслуживают». При этом учесть СМИ в избирательности не представляется возможным. Парируя обвинения в политической предвзятости, редактор одного из изданий заметил: «Это не правда, мы публикуем новости».

Таким образом, в сознании обывателя постепенно формируются определенные взгляды на те или иные события. Эффект закрепления образных установок настолько велик, что даже в случае изменения субъектом своей позиции с точностью до наоборот объект все равно остается при навязанном ему первоначально мнении. Только теперь уже считая его собственным, а значит, априори имеющим право на жизнь. Так, после официального признания правительством США ошибочности своих убеждений относительно наличия в Ираке оружия массового уничтожения порядка 40% американцев продолжали верить в его существование.

В силу своей специфичности традиционные радио и печатные СМИ сохраняют актуальность. Между тем технологический прогресс способствует появлению более совершенных информационных ресурсов, среди которых выделяется Интернет. Несмотря на многофункциональность Всемирной паутины, политическая составляющая – ее преобладающая компонента. Поэтому Интернет изначально стал важным инструментом политической борьбы. Уместно напомнить, что сама концепция была разработана в стенах Пентагона в военных целях.

Существует мнение, что Интернет несет для общества больше позитивного, нежели зла. Дескать, путем интернационального диалога информация поступает в обоих направлениях, обогащая культурный и политический уровень человечества. В результате процесс обретает новое качество, переходя на уровень коммуни-

кации (то есть взаимный обмен или прямое общение с аудиторией). Отдельные мыслители даже предлагают переименовать «средства массовой информации» в «средства массовой коммуникации».

На первый взгляд, относительная свобода поведения в глобальном информационном пространстве действительно присутствует, на что указывает бесчисленное количество доступных сайтов самого различного политического окраса. Однако скорее пользователю позволяют открыто выражать свои убеждения для того, чтобы в обмен на иллюзию свободы получить возможность отслеживать политические тенденции и вести учет идеологических пристрастий аудитории.

В 2006 году администрация США отправила в адрес управления электронного поискового портала Google «просьбу» о доступе к списку поступающих запросов и веб-адресам. Yahoo и Microsoft получили аналогичные просьбы. Руководство Google констатировало, что отказало правительству США и конфиденциальность пользователей якобы была сохранена. На самом деле гарантий этому нет. Не исключено, что спецслужбы вообще снимают информацию, не нуждаясь в чьем-либо позволении, а подобные «просьбы» являются лишь пиар-акциями, предназначенными для того, чтобы повысить доверие пользователей к Интернету.

Важно отметить, что в глобальном смысле контроль над Интернетом находится в ведении США, являющихся собственниками его корневых серверов доменных имен. Призывы ведущих стран к «большей демократизации и интернационализации управления» Глобальной информационной сетью встречают категорический отказ сверхдержавы. Но на локальном уровне развитые страны все же имеют такую возможность. Так, под предлогом борьбы с международным терроризмом Франция одобрила закон, в рамках которого силовым структурам страны предоставляется право контроля за перепиской через Интернет, – ввиду того, что услугами интернет-кафе якобы часто пользуются террористы.

ВОЛКОВ

Глеб Юрьевич.

Родился в 1973 году в Минске. Окончил Академию физического воспитания (1995) и Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (2004). На протяжении шести лет являлся ведущим аналитиком Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. В настоящее время – аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Автор публикаций по международной тематике в отечественных периодических изданиях. Сфера научных интересов: геополитика, международные отношения, современное мироустройство.

Коммуникативные возможности Сети могут быть использованы в самых разных деструктивных направлениях. Так, в последнее время стали популярными коллективные суициды с предварительным поиском единомышленников через Интернет. Данный метод способствует росту самоубийств, ведь групповой акт придает индивидууму решимости, а самому процессу – видимость философского обоснования. На первый взгляд, практика группового суицида имеет мало общего с политикой. Однако, контролируя систему, при помощи которой люди сотнями уходят из жизни, можно направлять и процесс массового суицида. В XIX веке в Российской империи было широко распространено сектантское течение «скопцы», последователи которого лишали себя детородных органов. В итоге пресекалось родовое развитие целых деревень, и перед отдельными регионами империи встала угроза демографического кризиса. На протяжении 150 лет борьбы с сектой государственные власти отправили в заключение десятки тысяч последователей, но организация продолжала функционировать вплоть до 30-х годов XX века. Понятие «эпидемическое самоубийство», основанное на безусловной предрасположенности индивидуумов к внушаемости, было открыто более века назад. Правда, в те времена под эпидемией подразумевалось самоубийство максимум пятнадцати человек, ввиду отсутствия технологических инструментов массового влияния. Кстати, соседняя Россия устойчиво лидирует в списке стран по числу суицидов – около 60 тысяч в год! Если это явление стимулировать с помощью информационных технологий, оно вполне может обрести масштабы эпидемии.

С тем чтобы максимально расположить к себе аудиторию, СМИ вызывают к инстинктам потребителя, то есть к самым низменным его желаниям. Поэтому вся продукция (от рекламы и новостей до кинофильмов) подается в строгом соответствии с законами психологии.

Учитываются возрастной, половой, профессиональный состав потенциальной аудитории, цветовая гамма подачи информации, динамический диапазон восприятия (громкость) и т. д. Уже в середине прошлого века испанский эксперт в области массовой психологии Хосе Ортега-и-Гассет писал: «В наши дни государство стало чудовищной машиной немыслимых возможностей, которая действует фантастически точно и оперативно. Это средоточие общества, и достаточно нажатия кнопки, чтобы гигантские рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела». Будучи неспособным к критическому мышлению, «массовый человек» бездумно усваивает «ту мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась в нем по воле случая, и навязывает ее везде и всюду, действуя по простоте душевной» [2].

Возможности СМИ в области управления массовым сознанием настолько велики, что информационный ресурс все отчетливее обретает милитаристскую сущность. Стали обыденными такие понятия, как «информационные войны» и «информационное оружие».

Рассматривая массмедиа в контексте информационных войн, можно дать им следующее определение: совокупность специальных средств массовой информации, поражающее действие которых основано на применении разрушающего информационно-психологического воздействия на сознание и подсознание человека и направлено на изменение психического состояния индивидуума, а также социально-политических установок общества в целом.

Информационное оружие принципиально отличается от всех других средств ведения войны. Стратегия его применения «носит исключительно наступательный характер» (к такому выводу пришли участники 5-й международной конференции по информационным войнам, про-

шедшей в 1996 году под эгидой США), с его помощью ведутся необъявленные, как правило, «невидимые» войны. Так, в музее Хиросимы указано, что «после атомной бомбардировки И. Сталин вероломно напал на Японию». Казалось бы, с исторической точки зрения логическая последовательность событий верна. Однако в результате 25% японских школьников уверены в том, что атомную бомбу на их страну сбросили не США, а СССР (согласно информации пресс-службы префектуры Хиросимы).

Возможные масштабы информационных диверсий демонстрирует история Российской Федерации 90-х годов XX века, когда страна столкнулась с единовременным эпидемическим ростом болезней: крови и кроветворных органов (на 86%), мочеполовой системы (на 37%), органов кровообращения, пищеварения, нервной системы (на 20%). Число вновь выявленных инфекционных больных выросло на 25%. Распространенность ишемической болезни сердца повысилась на 130%, в том числе перенесенного инфаркта миокарда – на 338%. Как следствие, в полтора раза увеличилась динамика смертности – около 5 млн. человек сверх среднестатистического показателя.

Данный процесс не имел объяснений с позиций предшествовавших медико-демографических закономерностей. Неизвестный фактор обладал следующими свойствами: огромная скорость распространения по значительному пространству; невосприимчивость к нему детей и наибольший рост в молодом и среднем возрасте; преимущественное поражение лиц мужского пола; синхронность действия на территориях, отдаленных друг от друга тысячами километров; неспецифический характер в отношении широкого круга заболеваний.

Исследования, проведенные Институтом общественного здоровья и управления здравоохранением Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова, показали, что рост заболеваемости был связан с информационными воздействиями, нравственной атмосферой, эмоцио-

нальным состоянием общества, причем в роли «инфекционного вируса» выступала информация. Материалы Статистического комитета стран СНГ за 1991–1996 годы свидетельствуют, что динамика смертности от сердечно-сосудистых заболеваний определялась озлобленностью на 60%, безысходностью на 10% и лишь на 30% остальными факторами [1]. Как видим, через СМИ можно эффективно управлять духовно-эмоциональным состоянием огромного числа людей.

Таким образом, в постиндустриальном веке не столько мир стал доступен человеку, сколько человек открылся перед глобальной информационной системой. Последняя блюдет интересы узкой группы лиц, которым не свойственны сантименты. Посредством информационного ресурса они диктуют мировому сообществу свои политические и экономические условия. Попытки национальных суверенных государств противостоять глобальной информационной экспансии, с тем чтобы сохранить национальную самобытность, пока малоэффективны. Если принять во внимание несопоставимость ресурсного потенциала оппонировующих сторон, а также отсутствие у малых национальных государств дееспособных механизмов противодействия, нет оснований утверждать, что в обозримом будущем ситуация изменится в пользу тех, кто находится в положении объекта. Между тем игнорировать факт трансграничного развития мировых информационных коммуникаций, ограничиваясь мерами запретительного характера, значит остаться «на обочине» технологического прогресса. Следовательно, наиболее продуктивной мерой защиты национального информационного поля остается качественное совершенствование системы пропаганды национальных и государственных ценностей. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Гундаров, И.А. Этиология и патогенез ухудшения общественного здоровья в Российской Федерации / И.А. Гундаров // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. – 2003. – № 2. – С. 24–28.
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
3. Клемперер, В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер; пер. А.Б. Григорьева. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.